

Аспекты иудейско-гностического противостояния

Ифамарь Грюнвальд

Научная дискуссия об отношениях между иудаизмом и гностицизмом велась в различных направлениях. Основные проблемы, обсуждавшиеся исследователями, таковы:

- a) размеры, формы и природа вклада иудаизма в формирование гностицизма;
- b) содержание и природа иудейской полемики против гностицизма;
- c) предполагаемое влияние гностицизма на иудаизм;
- d) возможное существование иудейского гетеродоксального гнозиса, проложившего путь для христианского и еретического гностицизма.

В настоящей статье мы сосредоточимся на некоторых аспектах, относящихся в основном к первому и четвёртому пунктам, то есть на иудейском вкладе в формирование гностицизма и возможном существовании иудейского гетеродоксального гнозиса[1].

Как уже неоднократно признавалось, гностические тексты, открытые в Наг-Хаммади, показали много точек соприкосновения с иудейскими идеями и литературными источниками. Это справедливо и в отношении многих положений полемических отчётов отцов церкви о гностических системах, которые они пересказывали, чтобы опровергнуть. Тем не менее, единого мнения о источниках и средствах, благодаря которым иудейский материал попал в руки гностических писателей, нет. Очевидно, никакие обобщения здесь не могут быть сделаны, поскольку в каждом случае эти источники и каналы могли быть разными. Более того, мной уже было показано, что при ближайшем рассмотрении некоторых деталей в двух гностических текстах, открытых в Наг-Хаммади, можно прийти к выводу, что не всё, кажущееся на первый взгляд позаимствованным из иудейских источников, действительно таково[2]. Мной было показано, что зависимость гностических авторов от иудейских источников не так проста, как можно предположить, если просмотреть основные пункты различия между предполагаемыми иудейскими источниками и гностическим способом их использования. Манера обращения гностических авторов с иудейским материалом, который они якобы знали, настолько своеобразна, что на фразе "иудейские источники гностических текстов из Наг-Хаммади" должен быть поставлен знак вопроса. Конечно, трудно сказать, каким образом иудейский материал достиг гностических авторов: был ли он в форме литературных документов, таких, как таргумы и мидраши, или в виде общих идей, витающих в воздухе в синкретической культурной атмосфере первых столетий христианской эры?

В Yerushalmi Sanhedrin (10.6; ed.Venice 29c) сказано от имени рабби Иоханана, что народ Израиля не был рассеян, пока не стал двадцатью четырьмя сектами еретиков (по-еврейски: kittot shel minim). Высказывания такого рода были приняты исследователями, как доказательство существования иудейских еретических сект, возможно, еврейских гностиков. Если это так, можно сделать вывод, что помимо длинного перечня таргумов, мидрашей и талмудических источников, случайно оказавшихся в распоряжении гностических авторов, существовали евреи, дувшие в еретическую дудку совместно с этими авторами. Действительно, делались даже попытки идентифицировать этих евреев, поскольку существование иудейского типа гетеродоксального гнозиса представлялось историческим фактом. Так, мы находим слова о "иудейском гнозисе" у Генриха Греца[3], М. Фридляндера, твердо защищавшего свои доводы о существовании "дохристианского иудейского гностицизма"[4], и Ж. Киспеля, защищающего уже

в наши дни идею гетеродоксально-иудейского происхождения гнозиса[5]. Мы можем, конечно, привести имена и других исследователей, следовавших этой линии рассуждений, но кажется, что в нашем случае vox populi не может считаться vox dei. Можно доказать, что сама теория о существовании иудейского гнозиса возникла только из-за обратного порядка чтения текстов – от гностицизма к иудаизму. Однако, знакомясь с иудейскими текстами, как таковыми, не зная, что случилось с некоторыми из них в ходе развития гностицизма, едва ли можно найти в них сколько-нибудь заметные признаки существования настолько гетеродоксального вида иудейского гнозиса. Более того, даже когда гностические произведения читаются с намерением пролить свет на иудейские тексты, чтобы открыть в них признаки иудейского гнозиса, незамеченные ранее, исследователи обычно приходят к выводам, базирующимся на ложных интерпретациях и суждениях. Много камней разбросано на еврейском поле, и когда каменщик собирает их, он может построить дом, какой захочет; но на этих камнях нет никакого следа, позволяющего предположить, что раньше они были частью здания, подобного тому, какое он стремится построить.

Говоря о иудейских источниках гностицизма, следует отметить, что сами гностические авторы не желали признавать себя обязанными иудейским писаниям и идеям. Напротив, как хорошо известно, их отношение к иудаизму было недоброжелательным и даже враждебным. Действительно, гностицизм кристаллизовался в атмосфере тотального отвержения иудаизма. Похоже, гностическое восприятие иудаизма обязано своим происхождением способу, которым некоторые христианские авторы трактовали иудейские писания и идеи в своих произведениях. Послания Павла были первым, но очень значимым шагом в возникновении стиля антииудейской пропаганды, тон которого позднее отозвался эхом в других текстах Нового Завета и в таких апостольских произведениях, как Послание Варнавы. И Послания Павла, и Послание, атрибутируемое Варнаве, стремятся атаковать иудаизм на его собственных понятийном языке и территории. Горькая ирония судьбы заключается в том, что религиозные идеи, проповедовавшиеся этими христианскими авторами, были глубоко укоренены в религиозной системе, которую они стремились опровергнуть. Они использовали старый фундамент, иногда даже старый строительный материал, чтобы соорудить новое святилище, доказывающее недейственность и бесполезность старого. Действительно, в процессе приспособления иудейских идей к новой религии эти идеи утратили многое из своего первоначального содержания. Тем не менее, одно остается ясным: даже если некоторые христианские идеи вошли в иудаизм, мы не можем заключить, что некий вид "Павлова" пра-христианства существовал в иудаизме.

Прежде, чем мы обратимся к гностическим писаниям и выраженному в них отношению к иудаизму, мы должны ещё раз взглянуть на Новый Завет и содержащиеся в нем замечания о иудейском Законе. В Новом Завете трижды повторяется утверждение, что Закон был дан ангелами. Во-первых, мы видим Стефана, обвиняющего иудеев в несоблюдении Закона, который, как он выражается, "дан ангелами" (Деян.7:53). Затем, Павел в Гал.3:19 подтверждает, что "Закон преподан через ангелов". Наконец, автор Послания к Евреям ссылается на эту идею, когда упоминает "через ангелов возвешённое слово" (Евр.2:2). Представляется, что утверждения такого рода подготовили путь для более радикальных взглядов, выраженных в Послании Варнавы, утверждающем, что иудейский народ ошибался в своем способе интерпретации Писания и исполнения его заповедей, таких, как жертвоприношения и обрезание. Согласно Посланию Варнавы, правильное понимание Писания достигается посредством аллегорического прочтения; только так сохраняется духовный смысл Писания. Однако, Послание Варнавы утверждает, что иудеи не следовали духовному способу чтения писаний. Они "ошибались, ибо злой ангел вводил их в заблуждение". Следовательно, если иудейские писания всё ещё сохраняют своё значение, они должны быть перетолкованы в манере, позволяющей воссиять сквозь них христианскому свету.

Принимая это во внимание, мы можем считать упомянутые здесь тексты подготовившими отношение к иудейским писаниям некоторых гностических авторов. Хорошо известно, что

гностики опирались на историю Книги Бытия, разъяняя свою своеобразную космологию. Но, в противоположность утверждениям Послания Варнавы, что иудеи были введены в заблуждение злым ангелом, гностики стремились показать, что Писание следует понимать от обратного – то, что иудеи считали добром, на самом деле – зло. Писание должно быть перефразировано так, чтобы разоблачить информацию, которую архонты хотели навязать человечеству, увводя его с пути спасения. Гностики пересказали историю Книги Бытия, чтобы раскрыть перед читателями деяния злого бога. На самом деле, иудейское пророчество происходит от архонтов. Так, к примеру, мы находим у Иринея сообщение, что, согласно гностикам, "Моисей был пророком Ялдаваофа, так же, как Иисус Навин, Амос и Аввакум; Самуил, Нафан, Иона и Михей (сын Ималаха) были пророками Яо; Илия, Иоиль и Захария были пророками Саваофа; Исая, Иезекииль, Иеремия и Даниил были пророками Адонаи; Товия и Аггей были пророками Элои; Михей и Наум были пророками Орея; Ездра и Софония были пророками Астанфея" (Наег.1.30.11). Семь архонтов, перечисленные в этом отрывке, как вдохновители иудейских пророков, также известны из нескольких гностических произведений, открытых в Наг-Хаммади, таких, как Апокриф Иоанна, Ипостась архонтов и Происхождение мира. Кроме того, мы находим в Апокрифе Иоанна, содержащем, помимо прочего, пространный космологический раздел, что события происходили не так, как они изложены в Писании. В Апокрифе несколько раз повторяется, что Моисей не дал достоверного рассказа о событиях: "Не думай, что это было, как Моисей сказал"; "не так, как Моисей написал и как ты слышал"; "не как Моисей сказал" и "не так, как Моисей сказал". Иными словами, согласно этому тексту, некоторые детали библейской истории, как она была рассказана Моисею и Моисеем, – ложь. Это утверждение напоминает слова о Писании Апеллеса, одного из учеников Маркиона. Согласно Ипполиту, на чей отчёт мы опираемся, Апеллес критиковал Писание, как содержащее ложь (Refutatio 7.38.2).

Особенно примечательно, что гностические писатели, противостоявшие иудеям и их Писанию, тем не менее находили необходимым, или возможным, включать в свои тексты материал, принадлежащей к самой сердцевине ложного откровения. Вдобавок, иудейский материал был введён в важнейшие богословские отрывки этих гностических писаний, и уместно задаться вопросом: почему гностики включили иудейское учение в свои писания? Что заставило их раскрыть свою зависимость от отвергнутой религии? Ответ на эти вопросы несомненно прост, и можно доказать, что поступая так, гностики просто следовали общехристианской практике. Можно даже сказать, что с точки зрения религиозной пропаганды образ действия гностиков мог оказывать огромное влияние на аудиторию. Писания врага, переписанные в такой манере, доказывают не только собственную ложность, но и правоту гностиков. Очевидно, этот жёсткий метод имел ошеломляющий успех в гностической переоценке иудейских ценностей.

Но можно сделать ещё один шаг и спросить: для кого писались эти тексты? Или – кто был способен смотреть с точки зрения этих произведений? Очевидно, первый же ответ даст имена евреев. Только евреи могли видеть полную уместность гностических аргументов, основанных на иудейском Писании. Другими словами, справедливо отметить, что гностические писания, содержащие иудейский материал, писались для иудеев, или бывших иудеев, которых следовало убедить как в ложности их понимания Писания, так и в истине, скрыто присутствующей в этом Писании; неиудеи, то есть верующие из язычников, не смогли бы оценить всю значимость этого метода. Итак, вполне допустимо, что обсуждаемые гностические тексты были адресованы в первую очередь иудеям и христианам из евреев.

В отчёте Иринея о системе Василида (Наег.1.24.6) сказано, что последователи Василида были "уже не иудеями, но ещё не христианами". Хотя по контексту становится ясно, что Иринея говорит о последователях Василида, что они, несмотря на то, что они уже не иудеи, ещё не достигли статуса настоящих христиан, можно увидеть в этом заявлении и исторический контекст. Если это так, то Иринея допускает иудейское происхождение последователей Василида. Это согласуется с утверждением Евангелия от Филиппа, различающим иудеев, которые как сироты без отца, и христиан, имеющих и отца и мать (Ев.Фил.6). Иными словами, Евангелие от Филиппа ставит христиан выше иудеев. И Иринея, и Евангелие от Филиппа ставят

иудеев внизу шкалы. Различие между Иринеем и Евангелием лежит в относительной оценке христиан и гностиков. Христианский епископ Лугдуна видит христиан наверху шкалы, тогда как гностический автор Евангелия от Филиппа помещает гностиков наверх, а христиан – в середину. Евангелие от Филиппа также утверждает, что те, кто ещё не получил Господа – ещё иудеи (Ев.Фил.46). Иудеи типологически представляются неверующими, как для христиан, так и для гностиков. Иными словами, и христиане, и гностики казались согласными, что иудейство – их общая отправная точка, но не настолько, чтобы сообща сдвинуть его на отрицательный полюс.

Как признано, не во всех гностических текстах постулируется отрицательное отношение к иудейскому Писанию. В статье, обсуждающей отношение гностиков к Писанию, Мартин Краузе справедливо подчёркивает, что в гностических текстах можно обнаружить "различные оценки Ветхого Завета"[6]. Однако, даже если в некоторых текстах заметно отсутствие негативного тона по отношению к Писанию, в целом гностицизм, как таковой, заявляет отрицательное отношение к иудаизму и его писаниям. Вновь поднимается вопрос: почему гностики так беспокоились о писаниях отвергнутой религии? Получить ответ на этот вопрос, как мне окажется, можно только ответив на другой, уже задававшийся, а именно: для кого эти тексты были написаны? Или – какой аудитории адресовались эти тексты?

Можно спорить, могут ли внесение иудейского материала в гностические тексты и прямые ссылки на иудейские писания быть отнесены к синкретическим практикам, принятым у гностиков. Действительно, гностические авторы жили в такое время, когда границы между культурами и религиями были проведены не так чётко, как в другие века. Но это не означает, что, когда мы находим культуру или религию, заимствующую от ближних и дальних соседей, мы можем решить проблему простым упоминанием синкретизма. Синкретизм – термин, который иногда употребляют слишком небрежно, и он может заставить нас пропустить действие более глубоких мотиваций и намерений. В случае с писаниями из Наг-Хаммади слишком просто отбросить иудейский материал или как синкретическое влияние, или как формальное подражание христианским экзегетическим приемам. Но, поступив так, можно пропустить и связанные с ним проблемы, которые ставит этот материал, очень важные для полной оценки текстов. Выясняется, что люди, для которых эти сочинения, переписывающие, среди прочего, историю сотворения мира, рассказанную в иудейских писаниях, могли быть предназначены, были людьми, в известном смысле знакомыми с экзегетической традицией таргумов и мидрашей. Эти люди могли быть и иудеями, и бывшими иудеями. Также вероятно, что они были христианами, знакомыми с христианскими методами истолкования Библии. И если для первых, иудеев или бывших иудеев, кажется, что, обращаясь к ним на понятном для них языке, гностические писатели хотели одновременно достичь двух целей: во-первых, показать этим иудеям, что их путь чтения писаний был неверно ориентирован, и, во-вторых, показать им правильный путь спасения, поставив перед ними *via negativa* и *via positiva* бок о бок, то вторые, ранние христиане, могли также иметься в виду, как адресаты этих произведений; их линия пропаганды, подрывающая иудейские писания, как фундамент христианства, могла приводить к более правильному, по мнению гностиков, пониманию христианства. Следует помнить, что гностическая идея Спасителя обязана своим появлением христианству даже более, чем иудейскому мессианизму. Таким образом, зависимость гностиков от христианства всегда достаточно значительна при любой попытке идентифицировать ранних гностиков. Можно, конечно, предположить, что даже христиане, которым были адресованы гностические писания, ранее являлись иудеями, но остается вопрос: если читатели или даже создатели обсуждаемых гностических текстов действительно иудеи, кто были эти иудеи и что в их взглядах подготовило их путь к гностицизму?

Как уже указывалось выше, часто утверждается, что существовали ранние иудейские ереси, в которых можно открыть фундамент гностицизма. Тем не менее, мной было доказано, что, хотя иудаизм разными путями участвовал в формировании гностицизма, это не было сознательным запланированным воздействием, но, в большей степени, удачным совпадением способствовавших исторических и идеологических факторов[7]. В иудейских текстах до-

христианской эры и талмудического периода нет ничего, указывающего на существование развитой иудейской ереси. Понятие *minim* и его эквиваленты в иудейских текстах талмудического периода употреблялись в очень широком смысле и могли обозначать любые взгляды и верования, имевшие место на периферии иудаизма. Конечно, рабби и даже Филон Александрийский до них, оспаривали любые разновидности апостасии, но среди всего их многословия нигде не отмечено существование ереси внутри иудаизма. Таким образом, взгляды, поддерживающие существование иудейского гнозиса, из которого возник гностицизм, или возникновение гностицизма из иудаизма, представляются мне выводящими слишком многое из слишком малого. Можно показать, что многие высказывания в корпусе раввинистических писаний, которые цитируются, чтобы поддержать веру в существование иудейского еретического гнозиса, говорят значительно меньше, чем им приписывается. Мы не можем проанализировать здесь все случаи, но приведем один-два кратких примера. М.Фридландер, говоря о существовании до-христианского иудейского гнозиса, указывал, что запрет космогонических и теософских спекуляций (*ma'aseh bereshit* и *ma'aseh merkaba*, как они называются по-еврейски), содержащийся в *Mishnah Hagiga*, может объясняться еретической направленностью, которую принимали эти спекуляции. Однако, мы сейчас знаем о них больше, чем Фридландер, и мы можем сказать, что причины для такого запрета были отличны от предполагаемого столкновения с некоторыми кругами внутри иудаизма, якобы придерживавшимися еретических взглядов. Говоря о спекуляциях *merkaba*, мы также знаем об отступничестве Элиши бен-Абуя, прозванного 'Aher, т.е. – Отступник. В *V.Nag.15a* сказано, что оно было вызвано видом Метатрона, сидящего на небесах. Зная, что сидит только Бог, но не ангелы, он пришел к выводу, что на небесах две Власти. Вера в две Власти на небесах считалась еретической иудеями талмудического периода[8]. Впрочем, есть сомнение, была ли это ересь внутри иудаизма или внешняя ересь. Представляется более вероятным, что иудейская полемика против двух Властей на небесах была направлена против вне-иудейской ереси. Таким образом, один из ключевых примеров, доказывающее иудейский еретический гнозис, не дает ясных доказательств, но весьма сомнителен. Более того, это обычное объяснение отступничества Элиши бен-Абуя – только одно из серии объяснений, данных в раввинистических источниках и, к тому же, не самое древнее. Наконец, мы обращаемся к *sifrei minim*, часто упоминающихся в раввинистических сочинениях. Эти *sifrei minim* очень часто истолковываются, как иудейские еретические книги, и таким образом предполагается доказать случай иудейского гнозиса. Но, как мы знаем, самое раннее иудейское объяснение гласит, что *sifrei minim* это иудейское Писание, написанное отступниками[9].

Теперь мы можем прибавить основное замечание о привлечении иудейских источников при изучении гностических произведений. Хорошо известно, что датировка раввинистического материала – чрезвычайно сложная задача. Слова, приписанные рабби, жившему в третьем веке, могут отражать взгляды, возникшие в первом. Идея, находящаяся в средневековой компиляции мидрашей, может возвращаться в ранние века христианской эры. Нетрудно обнаружить огромное количество случаев, когда поздняя идея приписана древнему мудрецу. Соблазнительно последовать линии аргументации, согласно которой наличие известной идеи в гностическом тексте, созданном в первые века христианской эры, является достаточным доказательством раннего существования параллельной иудейской идеи, находящейся в средневековом тексте. Тот факт, к примеру, что нечто присутствует в *Perkei de-Rabbi Eliezer*, компиляции мидрашей, составленной в Эрец-Израэль в восьмом веке, и в *Zohar*, главном каббалистическом тексте, созданном в Испании в тринадцатом веке, вообще не является доказательством для датировки данного высказывания или идеи. Таким образом, справочные книги вроде Штрак-Биллербека и *The Legends of the Jews* должны использоваться с максимально возможной осторожностью. Одна заметка в *The Legends of the Jews* может иногда потребовать тщательного изучения всех содержащихся в ней ссылок перед тем, как цитировать и использовать содержащийся в ней материал в экзегетической работе с гностическими текстами. В любом случае, предполагается, что экзегеза гностических текстов из *Наг-Хаммади* должна производиться совместными усилиями экспертов в разных областях знания, необходимых, чтобы достичь серьезных и убедительных результатов.

В заключение можно сказать, что позицию, содержащуюся в некоторых гностических текстах, найденных в Наг-Хаммади, по отношению к иудаизму в целом и к иудейским писаниям в частности, установить непросто. Очевидные ссылки в этих произведениях на материал, входящий в иудейские писания и раввинистические сочинения, могут произвести впечатление, что в конце концов гностические писатели не столь однозначно противостояли иудейской религии, как иногда предполагается. Конечно, если глубже проникнуть в гностические тексты, можно отметить определённую противоречивость в гностическом отношении к иудаизму: с одной стороны, гностические авторы пользовались иудейским материалом, с другой, они использовали этот материал, чтобы отвергнуть традиционный авторитет бога иудеев и его откровения. Тем не менее, многие гностические тексты действительно содержат откровенные заявления против иудейских писаний. Можно, конечно, спорить, что озабоченность гностических авторов иудейскими источниками раскрывает сделанную некоторыми из них попытку поразить иудаизм на его собственной территории и его собственным оружием. Такая тактика, как здесь уже говорилось, могла иметь смысл, только если была обращена к людям, способным почувствовать её остроту. Это были либо иудеи, бывшие иудеи, либо христиане. Не было смысла оспаривать иудейские писания и иудейскую традицию, если гностические писания предназначались для людей, ничего не знавших об этих писаниях и традиции. Гностическое противостояние иудейскому учению должно было быть осмысленным. Это могло иметь место только в отношении людей, видевших уместность гностической аргументации против иудейской традиции. Другими словами, рассматриваемые гностические тексты были написаны не только против иудеев, но и для них. Мы можем даже предположить, что некоторые иудеи или бывшие иудеи сыграли важную роль в передаче иудейских материалов в руки гностиков[10]. Не принимали ли эти иудеи участия и в написании текстов? Ответ на этот вопрос неизвестен. Тем не менее, тщательное изучение иудейского материала, включенного в гностические произведения, показывает, по крайней мере, что в основном они зависят от иудейского материала, известного нам из палестинских источников и можно, следовательно, заключить, что произведения были адресованы людям, вышедшим из этой среды. В принципе, это не исключает возможности, что гностическая ересь развилась где-то в диаспоре. Но иудеи, участвовавшие в ней, были знакомы с палестинской и иногда александрийской традициями. Будущим исследователям остаётся показать, насколько христианство для своего развития нуждалось в гностической ереси и нуждалось ли вообще. Хотя многие гностические тексты, открытые в Наг-Хаммади, не раскрывают однозначной зависимости от христианских сочинений или концепций, ясно, что гностицизм делал свои первые шаги по следам концепций и событий, развивавшихся либо бок о бок с христианством, либо как его следствие. В любом случае, такова картина, которую хотели нам представить отцы церкви. Вопрос, насколько эта картина тенденциозна, остаётся открытым.

Перевод выполнен Дм.Алексеевым по изданию: Ithamar Gruenwald, Aspects of the Jewish-Gnostic Controversy. // Bentley Layton (ed.) The Rediscovery of Gnosticism. Proceedings of the International Conference on Gnosticism at Yale, New Haven, Connecticut, March 28 – 31, 1978. Vol.2. Sethian Gnosticism. Leiden: Brill, 1981.

[1] Первая версия этой статьи была прочитана и обсуждалась на Шестом Всемирном Конгрессе изучения иудаизма в Иерусалиме, в августе 1977 года.

[2] Jewish Sources for the Gnostic Texts from Nag Hammadi? // Proceedings of the Sixth World Congress of Jewish Studies, vol.1 (Jerusalem, 1977) 45-56.

[3] H. Graetz. Gnosticismus und Judentum. (Krotischin, 1846; Gregg reprint, 1971).

[4] M. Friedlander. Der vorchristliche jüdische Gnosticismus. (Göttingen, 1898; Gregg reprint, 1972). Ср. также В.А. Pearson. Friedlander Revisited. // Studia Philonica 2 (1973) 23-39.

[5] G. Quispel. *Gnostic Studies* (Istanbul, Nederlands historisch-archaeologisch Instituut, 1974) I, 195: "Вероятно, что это дохристианский, позднеиудейский гнозис...", там же, 26: "И насколько этот гнозис дохристианский, он обращён к гетеродоксальным иудейским концепциям".

[6] M. Krause. *Aussagen über das alte Testament in z.Tübischen unveröffentlichten gnostischen Texten aus Nag Hammadi*. // *Ex Orbe Religionum: Studia Geo Widengren*. (Leiden, Brill, 1972) 449-456.

[7] I. Gruenwald. *Knowledge and Vision*. // *Israel Oriental Studies* 3 (1973) 63ff.

[8] Alan F. Segal. *Two Powers in Heaven*. (Leiden, Brill, 1977).

[9] B. Lewin. *Otzar ha-Geonim; Tractate Sabbath*. (Haifa, 1930) 102, (in the name of Hai Gaon). Здесь, однако, другое объяснение, цитирующее комментарий Иосифа Альфази к B.Sanh.100b: книги, в которых разъяснения писаний даны не на основе высказываний мудрецов.

[10] Г. Шолем предполагает, что иудеи сами передали иудейское учение гностикам; см. Gershom Scholem. *Jaldabaoth Reconsidered*. // *Mélanges d'histoire des religions offerts à Henri-Charles Puech*. Paris, 1974.